

«В ТАИНСТВЕННОЙ АНАТОЛИИ»

Я взял в руки давно изданную книгу¹, потому что узнал от сестры умершего писателя² о том, что его труд не вышел на иностранных языках, отчего его не смогли прочитать те, о которых и для которых он был написан. Ведь эта книга не просто описание путешествий, а восклицательный знак депортации.

Безработица 30-х годов в Венгрии многих людей заставила странствовать. Так попал в Турцию в 1935 г. инженер-строитель Тибор Фехертайи.

Фехертайи — это его венгеризованная фамилия. Его оригинальная фамилия — рыцарь Фехрентейль. Вернувшись из Турции, он стал журналистом.

После истребления армян и изгнания греков турецкое государство не располагало специалистами и поэтому должно было пользоваться заграничной рабочей силой, чтобы хотя бы частично ликвидировать тысячелетнюю отсталость страны.

Задачей Фехертайи были поиски, разметка, картографирование кильватера автострады на 1200 км и разработка ее подробного плана. Вспоминая о трех годах работы в Малой Азии (1935—1938), он запечатлел в своей книге поиски кильватера между Кайсери и Марашем и Анкарой и Чатаджой...

¹ Тибор Фехертайи, В таинственной Анатолии, Штаднум РТ., Будапешт, 1940 г., 208 стр. Содержательница авторского права: Гопча Палне.

² Муж его сестры, мадьяризованный армянин, сын Ласло Гопча (1865—1933), государственного секретаря, ученого, специалиста по венгерской стенографии. Ласло Гопча написал несколько работ по армянскому вопросу и был один из основоположников Общества венгерских армян и Будапештского армянского католического прихода.

Особую ценность книге придают 62 фотоснимка автора. Эти фотоснимки служат доказательством невероятно низких бытовых условий турецкого крестьянина. Хибарки без окон или деревянные избы, построенные друг над другом, наглядно иллюстрируют большую отсталость сельского населения Турции. Усиливают впечатление и болотистые проезжие дороги, колеса без спиц и подшипников, деревянные плуги, оборванная одежда и очень много грязи.

Повествуя о поисках кильватера между Кайсери и Марашем, писатель сообщает много фактов, относящихся к армянам. Мнение о судьбе армянских населенных пунктов сложилось у него уже во время пребывания в Кайсери. Он описывает это следующим образом (стр. 19—20).

«Южный квартал города очень поразил меня. Удивляясь, бродил я по улицам: разве в этом старом городе есть и такие красивые места? Среди просторных тенистых садов стояли изящные жилые дома. Но у большинства из них окна разбиты, крыши обвалены, а на месте дверей — темная пустота. Эти великолепные дома были пустыми, безлюдными. Я неуверенно вошел в один из них, поднялся по мастерски тесаной двукрылой ореховой лестнице на второй этаж и там обошел ряд комнат и залов, покрытых паутиной, пылью и грязью. Тесанные двери великолепных стеновых шкафов были разрушены ударами топора, фрески на стене испачканы грязью, калом. Последняя комната, наверное, была спальней. В одной из ее стен, под резным карнизом деревянной обкладки потолка с кессонами, находилась маленькая ниша, а над ней — широкий, богато отделанный золотом крест, замазанный какой-то темно-красной жижей. Кровь... человеческая кровь...».

Далее он пишет о том, каким был Кайсери во время армян и каким стал без них (стр. 22): «Звезда Кайсери закатилась...».

Раньше, когда лавки базара и улиц, находившихся вокруг него, были полны греческими и, главным образом, армянскими торговцами, город являлся одним из самых значительных, самых больших торговых центров всей Анатолии. Но после жестокой расправы жизнь прекратилась, движение замсрло, и город остался в развалинах, страдая сонной болезнью».

На 5-й день поисков кильватера инженер приехал в первый армянский город (стр. 41—47).

«От Гюльюёрена наша дорога шла через широкую безжизненную долину на юг. Весь день не было видно признаков жизни, хотя в середине долины и на берегу речки лежали широкие поля, покрытые бурьяном и сорняками. Когда-то, наверное, их обрабатывали прилежные руки: среди высокого бурьяна видны были кучи камней. Здесь собирали камни в высокие холмы — человек даже на каменной почве хотел выращивать урожай».

В конце долины мы взобрались на странное плато, где лежал нотариальный центр город Томарзе, окруженный горами, покрытыми ослепительным снежным покровом. Здесь находилось бюро окружного нотариуса... Мы дошли до первых домов и попали в узкую извилистую улицу; по обе стороны стояли массивные дома в несколько этажей. И какие дома! Некоторые из них — настоящие маленькие дворцы. Странно, что нигде не видно ни одной живой души. На месте дверей и окон зияют темные дыры, во всех домах глубокая тишина. Улицы оглашались только цоканьем копыт наших коней... Мы находились в безлюдном, опустевшем городе, как будто попали в заколдованное сказочное царство.

Вдруг справа появилась церковная башня. За ней показались ряды магазинов, темных, с закрытыми дверями, пустыми окнами. Потом были другие районы города: дома разрушены до основания; сколько домов, столько же груд камней. Повсюду валялись бесчисленные заборные столбы, лестничные ступеньки, карнизы, ворота, наконечники дождевых водосточных труб, имеющие форму львиных голов...

Примитивный двухэтажный каменный дом на южном краю города был резиденцией нахие. Там было его бюро, казарма жандармерии, почтамт, одним словом — все.

В этом же здании жили все те, кто считались должностными лицами в Томарзе. Кроме того, в городе было еще несколько жителей, семь семей. Они жили недалеко оттуда. Накануне войны в Томарзе было четыре тысячи жителей. Он был известен как оживленный, людный городок с большим движением, даже, по мнению некоторых, перегнавший Кайсери. В нем жили земледельцы, ремесленники, торговцы — в первую очередь торговцы. Их связи простирались от маленьких будок базара не только до Кайсери, но и до Константинополя, наверное, даже до Лондона, Нью-Йорка, Батавии и Гонконга.

Все жители Томарзе были армяне!

Что случилось с 4000-ми армян?

Ветер войны бесследно захлестнул их?

Может быть, их убивали здесь, в собственных домах? А может быть там, внизу, на какой-нибудь из стерней равнины, или нанерху, в высоких горах?

Кто теперь расскажет об этом? Те, кто могли, уже молчат.

Полный любопытства, бродил я по городу. Ведь с того времени здесь не бывал ни один чужеземец: гражданам иностранных государств запрещено находиться на территории внутренних районов страны, тем более, в таких местах. Ведь эти франки (европейцы) такие странные: всегда лезут не в свое дело. Например, то, что в XX в. армянский вопрос разрешен таким «радикальным» образом, никого не касается, кроме турок и армян. А разве армяне жалуются? Правда, нет? Они молчат. Молчат, как могила...

Та буйная страсть, которая, не удовлетворяясь истреблением армян, хотела весь город сравнять с землей, сделала свое дело лишь наполовину. Она угасла на полпути. Полгорода уцелело. Те дома, которые спаслись от разрушения, разграблены; все, что можно было в них уничтожить сразу, уничтожено. А остальное поручено времени и непогоде, которые из года в год медленно, но упорно выполняют порученную им работу. Черепица на крышах стала непрочной, обвалилась: дождь капает прямо в дома. Потолок протекает, ореховый настил на полу гниет, штукатурка, украшенная картинами, фресками, падает со стен...

На восточной окраине города лежала глубокая долина. Дно ее и ровные склоны

гор были забиты сорняками, среди которых ярко выделялись пестрые цветы; значит, когда-то здесь были цветники, за которыми бережно ухаживали.

В северной части этой необычной долины лежали развалины огромного здания... Наверное, когда-то здесь стоял грандиозный дворец, который поднимался из долины над плоскогорьем на высоту пяти-шести этажей.

Рядом с наполовину обвалившимся флигелем мы нашли коридор с колоннами, который целиком сохранился. От него отходили маленькие кельи. За их проемами белели обломки камней и штукатурки, но высеченные над ними на стене кресты и армянские буквы, покрытые позолотой, полностью уцелели. Стены одного большого зала высотой во много этажей стояли еще прочно. Из-под обломков, густо покрывавших пол, виднелись обрывки бумаг и книжных переплетов. Развалины библиотеки...

Мы ходили среди руин одного армянского монастыря. Тогда я еще не знал, что здесь был разрушен один из самых известных армянских монастырей, где жило много образованных монахов, среди которых было много известных художников и ученых.

В Гексуне двое из инженеров взбунтовались против него из-за его убеждений. Фехертайн вернулся в Анкару доложить об этом. Бунтовщиков наказали, но сразу же реабилитировали, а Фехертайн снова отгравировал в экспедицию.

На этот раз он отправился из Кайсери в Гекази по другому направлению и уже после шести километров наткнулся на армянскую местность (стр. 67—70).

«Человек замечает Тайлусун только тогда, когда перед ним раскрывается город мертвых. Долина высохшей речки вдруг круто извивается и человеку начинает казаться, что он видит какой-то мираж. Дома, дома, и какие большие дома! Построенные из камня, они в большинстве своем трехэтажные. Несколько сотен зданий стоят там так тесно, что редко помещаются между ними сады. Они жмутся друг к другу, как лондонские дома в Сити,—из-за цен на земельные участки.

Дома эти такие же, как в армянском районе Кайсери, или на опустелых улицах Тонмарзе: прохода по пустым улицам, я даже не

удивляюсь, потому что уже сверху, со склона горы, заметил, что Таулусун армянский город. Об этом можно узнать по его церковной башне.

В настоящее время здесь живут лишь в двух домах, остальные остались без хозяев. Два старика переселились сюда из Кайсери. Мы попросили у них о ночлеге. Один из стариков открывает нам двери своего дома.

Ах, кто здесь жил? Здесь около двадцати комнат, которые соединены мраморными порогами, широкими створчатыми дверями; выстланный мраморными плитами большой зал имеет форму греческого креста. В подвале находится конюшня приблизительно для двадцати четырех коней и один винный погреб, такой большой, что даже конца его не видно. Вокруг сады, окруженные высокими каменными заборами. Деревья, кусты, цветы и бассейны для купанья. За Голливудом звезды экрана строят себе такие замки.

Долина, в которой расположен Таулусун, кончается в скалистом ущелье, где, пройдя несколько шагов, мы удивленно остановились. Что за отверстие справа и слева?

Войдя в одно из них, мы попали в чудесный подземный город. В серой песчаниковой почве были прорублены подземные коридоры с гладкими стенами, с гладким потолком. В глубине находились длинные, необозримые лабиринты. После поворота мы попали в зал. Свет карманного фонаря не дospel до противоположной стены, хотя осмотреть ее стоило: к высокой стене примыкала кафедра. Лестница, зеркало балдахин—все было высечено из песчаника и составляло одно целое со стеной. А дальше—такая же кафедра, над ней—большой рельефный узор.

Это была христианская церковь, церковь одного катакомбного города. Зачем ее построили? Зачем работали здесь армяне так прилежно—годами, может быть, десятилетиями? Зачем им был нужен этот подземный пещерный город? Кто может сейчас разгадать эту загадку?».

От Гексуна они поехали в направлении Мираша по реке Текир (стр. 77—79):

«Там, в окрестностях реки Текир, похоронен чудесный мир. В забвении лежит таинственный мир, который больше никогда не воскреснет.

В долинах, на берегах рек, на горных переходах на каждом шагу виднелись следы разрушенных тропинок. Попадались места, где на скалистых склонах дороги, вдоль берега реки, в тех местах, где он суживается, когда-то с большой тщательностью были построены опорные стены, чтобы прибывающая вода не размывала дорогу. А там, где река круто изгибается, скиталец, бродящий по этим местам, часто находит остатки плетня, построенного между сваями.

Поднявшись на вершину... Гёзтепеси и глядя вокруг, нигде не видишь живой души или следов человеческого поселения...

Когда-то люди жили здесь, в этих долинах. Они своими заботливыми руками построили тропинки, дороги, мосты, оросительные каналы, они под паром обрабатывали поля. Когда-то... Сегодня здесь, наверху, в диких живописных долинах Таулу-суна, безлюдно, жизнь ушла отсюда... Весь этот край словно глухое, опустевшее царство...

Карта здесь полна характерными названиями: Гяуркунар (Родник безбожных), Гяуртепеси (Гора безбожных), Эрменидере (Армянский овраг)... Уже только эти названия напоминают нам о тех, кто когда-то, даже не так уж давно, жил среди этих высоких гор.

Я искал деревни. Ведь карта говорит о целом ряде деревень: Ахриджа, Карапунар, Сосу, Чайилян, Фирниз, Карадуг, Дююн, Ташлар, Шадалак, Гёредин, Каракютюк и т. д.—и маленьком городке Зейтуне, который был центром этого маленького мира. Он был широко известным культурным центром южных армянских поселений.

После того, как были истреблены армяне, городок сравняли с землей. От большинства деревень не осталось даже следов. Дома исчезли, как будто огромная метла смела их с лица земли. Исчезли сады... вернее, остались только их следы. Например, одно старое фруктовое дерево, которое пощадили топоры в суматохе, поросло вьюнком и сейчас, наверное, приносит свои плоды. Правда, уже ни для кого, но, наверное, оно живет для того, чтобы когда-то указать место разрушенных деревень».

На берегу Карагёза Фехертайи натолкнулся на покинутую угольную шахту, железную копь, забитую сорняком, разрушенный маленький металлургический завод, а

в конце долины — на новую армянскую деревню (стр. 81—85).

«На высоте 60 метров над нами простерлась огромная терраса. На краю террасы виднелись черневшие остатки какого-то большого здания, как будто чей-то гигантский персг указывал вниз, на нас. Узкая тропинка вела к ним. Там мы наткнулись на развалины одной деревни. Когда-то здесь стоял Фирниз.

На краю плоскогорья, у подножья горы бил полноводный родник, его вода была холодная как лед. Когда-то под землей по трубам из обожженной глины студеная родниковая вода текла в жилые дома. Армяне построили себе водопровод. Но разрушение не пощадило даже его. Части оправы родника, построенной из бутового камня, лежали в виде обломков, разбитые глиняные трубы там и сям попадались на поверхности; вода во многих местах нашла себе дорогу вниз, к долине.

Когда-то на плоскогорье стояло приблизительно сто жилых домов. Кроме стен высотой не более метра ничего не осталось, но даже и эти стены норосли бурьяном. Только черные остатки одного здания возвышались на краю террасы. Здесь стояла узкая фронтовая стена, построенная из массивных тесаных камней; на ее верхней части, в оконном проеме, среди остатков оконных створ, пара ласточек устроила себе гнездо. Лишь это осталось от подоженной церкви.

Внизу расширяющаяся часть долины состояла из маленьких террас. Когда-то здесь везде были цветники, плодовые сады. Кругом, среди высокой сорной травы, росло много пестрых цветов. Вот там, в середине одного сада, у трех ветхих саманок, покрытых камышом, как будто есть жизни!

Перед дверью одной из них валялось в грязи трое полуголых чумазных ребят. Из-за саманки вышел один оборванец. О какой страшной нищете говорили эти хибарки, внешний вид этих людей!

Житель санавы был мохаджир, магометанин, переселенный по турецко-греческому договору. С ним приехали сюда еще две мохаджирские семьи, потому что бей Мараша уговорил их переселиться. Бей сказал им, что здесь есть все, что душе угодно, земли сколько хочешь! Правда, земля есть, но на ней с трудом растет только немного

кукурузы и ячменя, потому что все засыхает во время жары.

Две другие семьи убежали в конце первого года. Он тоже не будет долго терпеть. У него ничего нет, кроме старого козла, петуха и курицы. Если бы каждый год здесь не бывало немного фруктов, его семья, наверное, умерла бы с голоду...

— Не стоило мне, эфенди, переезжать сюда. Хорошо жил я там, но так было угодно Аллаху...

В следующие дни много раз открывался перед нами грустный вид армянских деревень, на месте которых стояли всего одна или две сапавы. Везде изумительный контраст между ярко проявляющимся, даже несмотря на разрушение, прошлым, и мрачным настоящим. На полях, обещавших богатый урожай, росли сорняки и бурьян. Только в нескольких местах земля была поднята мотыгой. Мохаджиры убежали из хижин, а те, что остались, конечно, не думают о том, что можно поправить оросительные каналы, провести воду на хлебные поля, страдающие от жары, и на плодородную землю, которую даже навезти не надо, чтобы получить в двадцать раз больше урожая.

Мы находились в большой, опустелой, осиротевшей империи. Когда несколько лет

тому назад турецкое государство продало территории истребленных армян с аукциона, один адвокат из Мараша всего за 1000 лир купил себе этот целый маленький мир, эту огромную территорию на берегах Текира.

В Адапазаре лесорубы показали ему месторождение ископаемых, содержащих золото. Но без капитала, без необходимых инструментов добывать это золото не могут. Недалеко от деревни, у серно-железного озера, не строят домов отдыха, потому что не умеют организовывать курорты.

В окрестностях Адапазара один муктор жаловался ему на размножение кабанов (стр. 192): «Кабаны стаями бродят около наших домов, поедают всю нашу кукурузу. Уничтожить их не можем, потому что нет денег на патроны. Много раз умолял я бекаймакана, чтобы он дал нам несколько пуль, потому что иначе мы умрем с голоду. Но он говорит, что государство не имеет денег на это».

Автор дает также интересную информацию о курдах и черкесах.

Книга Фехертайи увидела свет 30 лет назад. Но по многим причинам она оставалась неизвестной армянским ученым-востоковедам. Данной публикацией мы надеемся привлечь к этой книге внимание широкого круга специалистов.

КОРБУЛИ ДОМОКОШ